



«Православные» в еврейских хрониках времен Богдана Хмельницкого.

Андрей Шпирт | 13.10.2014

Еврейские хроники были написаны и опубликованы почти сразу после начала казацкого восстания на Украине 1648 г. За пять лет между 1648 и 1652 гг., помимо разнообразной литургической литературы, вышли в свет четыре хроники. Наиболее ранняя из них – «Тяготы времен» (*Tsok ha'ittim*) – была написана Меиром Шмуэлем из Щебжешина и опубликована в Кракове в 1649/50 г. В 1651 г. в Амстердаме вышла небольшая по размеру хроника рабби Шабтая Меира а-Коена (р. Шаха) (1622–1662) «Свиток тягот» (*Megillat Eifa*). В том же году в голландской столице вышло в свет сочинение Габриэля Шусберга из Жешова «Путь к покаянию» (*Petakh tshuva*). Наконец, в 1652/53 г. в Венеции была издана считающаяся исследователями наиболее ценной хроника Натана Неты Ганновера (? - 1683) «Пучина бездонная» (*Yaven Metsula*)^[1].

Авторы хроник не были непосредственными свидетелями еврейских погромов. В 1648-1649 гг. Шабтай а-Коен находился в Вильне, Меир из Щебжешина, вероятно, в осажденном Замостье, а Натан Ганновер перед взятием казаками Заслава покинул Польшу. Таким образом, в своих сочинениях еврейские хронисты могли опираться на свидетельства непосредственных очевидцев погромов и опубликованные ранее источники – мартирологические сочинения и хроники (например, Натан Ганновер использует хронику Меира из Щебжешина и Габриэля Шусберга). Еврейские хронисты хотели увековечить память о погибших, однако их память – это не фиксация «фактов», а определенного рода стратегия по формированию коллективной памяти. Традиционной формой этой стратегии являлось изображение еврейского мученичества и жертвенности перед внешней угрозой крещения (*kiddush ha'shem*)^[2]. Эта традиция, восходящая к еврейским хроникам XII в., в которых описывались погромы рейнских евреев во время Первого крестового похода, находит свое продолжение в еврейских текстах середины XVII в. Речи Посполитой^[3].

Исследователи комплексно анализируют еврейские хроники. Их интересует соотношение фактической и религиозной истории, исторической памяти и историографии, жанровая переключка хроник с литургическими и мартирологическими сочинениями^[4]. Историки подходят к еврейским хроникам с точки зрения их ценности как исторического источника, которая, как правило, оценивается весьма низко^[5]. Опираясь на данные еврейских источников, исследователи пытаются выяснить масштаб погромов, численность жертв, а также понять характер еврейско-христианских отношений на юго-востоке Речи Посполитой^[6].

Вместе с тем более ценные результаты приносят исследования, в которых исследуется не столько их историческая, сколько культурная ценность. Исключительное внимание к судьбе соплеменников, создающее впечатление, что казаки действовали только против евреев, уверенность в том, что казацкое восстание было уже предсказано в ветхозаветных Притчах (Габриэль Шусберг, Натан Ганновер), многочисленные отсылки к библейским цитатам – все это ясно свидетельствует о том, что авторы хроник следовали целям, далеким от исторического описания. Гонения на евреев рассматривались еврейскими хронистами как следствие богоизбранности еврейского народа и польских евреев в особенности^[7].

Н.Н. Яковенко сопоставила некоторые мотивы еврейских хроник и христианских источников и указала на разделяемые двумя сторонами эсхатологические ожидания^[8]. В свою очередь А.

Теллер показал, что стратегии еврейских хронистов были богаче и информацию хроник не следует сводить лишь к эсхатологическому нарративу^[9].

Некоторые аспекты еврейских хроник рассмотрены недостаточно полно. Б. Вайнриб и М. Росман, опираясь на еврейские хроники, показали отношение евреев к полякам, к государственной власти и стране, в которой они жили^[10]. В меньшей степени в научной литературе показано отношение еврейских хронистов к православным и казакам^[11]. Осознавали ли еврейские хронисты различия между католицизмом и православием, какой был накал антихристианской полемики, какие источники предопределили отношение авторов хроник к казакам и православному населению? На эти вопросы мы постараемся ответить в рамках настоящей статьи.

Kiddush ha-shem и антихристианские мотивы еврейских хроник

Благодаря концепту *kiddush ha-shem* в еврейской литературе происходит драматическое и конфликтное осмысление доминирующего христианского мира. Идеология святости, основанная на готовности умереть во имя собственной веры, была направлена и против христианского давления и претензий на историческую правду и содержала в себе глубокий полемический накал. В еврейских хрониках ставились вопросы религиозного значения: почему Бог, избравший евреев своим избранным народом, отдает победу христианам? Не изменяет ли Он тем самым заключенному ранее завету и, соответственно, не указывает ли на истинность христианства, Нового завета?^[12]

В еврейских хрониках, созданных после погромов Первого крестового похода 1096 г., можно найти острые нападки на христиан, стремящихся силой обратить евреев в христианство, насмешки над их верой в святые места, а также выпады против Христа и Богородицы^[13]. В еврейских хрониках времен Б. Хмельницкого также можно найти антихристианские выпады. Так, в пламенной речи главы еврейской общины Тульчина рабби Элиэзера из хроники Шабтая говорится о пустоте, низости и бессмыслии христианской религии, представляемой не иначе как языческой. Казаки, предлагающие принять евреям православие, просят их перейти на сторону их Бога, священных изображений и крестов. При этом отказ евреев – это не только верность заповеди Второзакония (Втор 18:10–14), но и твердость перед искушением социального аванса^[14]. Габриэль Шусберг с такой же уверенностью, как и Шабтай, категоричен в отношении христианства, чьи слова, символы и обряды – не что иное как небытие, отсутствие трансцендентности: «Они испытывали их каждый день словами, небытием (т. е. предлагая свои религиозные обряды), соблазнами, убеждениями, угрозами и ужасными преувеличениями»^[15]. Э. Фрам отметил, что Шусберг использует игру слов: «слова» казаков – это еще и хлеб в их ртах. Таким образом, еврейский хронист создает прямую аналогию с христианским догматом о преосуществлении: их слова так же пусты, как и вера, что в причастии есть тело и кровь Бога. Автор *Petakh tshuva* убеждает: «Никто не будет спасен их ложью» (то есть верой в христианские символы) и, что надежда лишенных имущества евреев будет исполнена, ибо Бог восстает «ради страдания нищих и воздыхания бедных» (Пс 11:6). «Бог не обманывает» (Авв 2:3), – указывает Шусберг, подчеркивая тем самым не только истинность собственной веры, но и уверенность в правильном понимании Божественной воли, когда Бог забирает евреев на вечер встречи субботы^[16].

Рассказы Меира из Щебжешина и Натана Ганновера построены по несколько иным моделям. Оба хрониста ничего не пишут об обещаниях социального порядка, но и не вкладывают в требования православных каких-либо упоминаний о христианстве. В то время как христиане у Меира ставят под сомнение действительность идеи богоизбранности – Бог, позволив убивать евреев, мог отказаться от своего покровительства, – то в отрывке Натана Ганновера о Тульчине вообще отсутствуют какие-либо выпады против христианских *sacra*.

Антихристианские мотивы могут выражаться различными способами. Один из них –

использование риторики осквернения.

Типичное действие христиан, описываемое авторами еврейских хроник XII в. – нападение на евреев с ножами и мечами, выбрасывание их из домов на грязные улицы, где их раздевают и топчут ногами^[17]. Таким же образом христиане ведут себя со свитками Торы: их разворачивают и втаптывают в грязь. Все эти примеры свидетельствуют о том, что христиане осведомлены о *sacrum* другой культуры, которая должна быть осквернена, уничтожена или унижена. Еврейские хроники времен восстания Б. Хмельницкого изобилуют подобными примерами столь же жестокого отношения к евреям и их *sacra* со стороны восставших казаков^[18].

Другой прием – полемическое сопоставление чистой еврейской семьи и нечестивых казаков. Широкий социальный, возрастной и гендерный спектр мучеников усиливает жестокость безжалостных убийц. Наиболее частый сюжет – описание смерти матерей и их детей^[19]. Хотя, в отличие от хроник XII в., еврейские тексты времен Б. Хмельницкого описывают многочисленные случаи насилия в отношении женщин, их авторы также стремятся передать разрушаемый чистый образ еврейской семьи. В то же время примеры самопожертвования, подобно тому, как в 1096 г. в Триере еврейская девушка совершила самоубийство, но не позволила крестоносцам обольстить себя, также приводятся в еврейских хрониках XVII в.^[20]

Следующий мотив, связанный с образом «святого семейства», который может быть расценен как «антихристианский» – принуждение казаками еврейских матерей есть собственных детей^[21]. По словам хронистов, в Полонном и Кременце казаки поджаривали детей на вертеле и давали их мясо матерям. Меир, а затем и Ганновер описывают действия «злодея», который, подражая еврейским обычаям, резал младенцев и продавал их как мясо^[22]. Этот мотив в равной степени может быть отослан к Иеремии (Иер 10:25) (где указывается, что племена съели «Иакова, пожрали его и истребили его, а жилище его опустошили»), к Плачу Иеремии (Плач 2:20; 4:10), к Михею (Мих. 3:5). Как показывает И. Юваль, ветхозаветные пророчества о людоедстве врагов Израиля в Средние века получают новый смысл. Так, евреи, обвиненные в ритуальных убийствах, в своем контраргументе обвиняют самих христиан в каннибализме – не евреи, потребляющие кровь христианских младенцев, но сами христиане, убивающие евреев и верящие в догмат о причастии – каннибалы^[23]. Это не евреи для своих целей и с помощью своих законов убивают христианских младенцев (т. е. так как вели себя казаки, представляющие себя евреями), но сами христиане убивают еврейских детей.

Еврейские хронисты передают представление о ненависти христиан к евреям. Так, немировские жители оказали содействие казакам не «столько из приверженности к Хмелю, сколько из ненависти к евреям»^[24]. Христиане, видя убийство евреев, ликовали и торжествовали^[25], а евреям приходилось бросать своих погибших соплеменников под покровом ночи, чтобы христиане не могли злорадствовать и ликовать, глядя на еврейские могилы^[26]. После того как казаки ушли из Быхова и в городе осталось много раненых евреев, местные жители живьем закопали их в могилу, отказывая им в пощаде под тем предлогом, что «им не будет исцеления»^[27]. Согласно хронистам, бежавшие от опасности евреи были уверены, что православные жители их ненавидят и ждут любой возможности напасть на них^[28]. Таким образом, авторы еврейских хроник подчеркивали, что причиной ненависти к евреям и еврейских погромов является религиозный фактор^[29].

По сравнению с еврейскими текстами, создававшимися после Первого крестового похода, антихристианские мотивы хроник эпохи восстания Б. Хмельницкого выражены значительно менее ярко. Сама ситуация *kiddush ha-shem*, т. е. возможность предоставления христианами выбора между смертью и принятием новой религии, в позднейших хрониках описывается не так часто. Я. Кац, первый, кто обратил внимание на развитие представлений о мученичестве между 1096 и 1648 г. обосновывает это различие с одной стороны «ослаблением стремления христианских народов обратить евреев в христианство», с другой – «снижением скрытой и

открытой полемики с христианством»^[30]. Антихристианские мотивы также могли быть приглушены из-за поляков, на стороне которых евреи однозначно выступали в конфликте.

Хмельницкий, казаки и православные жители

Авторы еврейских хроник, дают нам возможность прояснить их отношение к украинскому православному населению. Меир называет православных «лицемерными и двуличными», так как «они прикидываются любящими [евреев], словно друзья детства, а в тайниках души замышляют пролить их кровь и овладеть беспрепятственно всем, что им принадлежит»^[31]. Автор *Tsok ha'ittim* рассказывает, как «по свойственной им хитрости православные увещевали евреев вернуться домой, что они поступят с ними милосердно» и «как только евреи возвратились по домам, сейчас же неприятель последовал за ними; отобрал у них все дорогое и ценное, что только смог разыскать в их домах»^[32]. В полной мере подобное отношение к православным передается и Натаном Ганновером. По словам автора *Yaven Metsula*, Б. Хмельницкий «замышлял злое, как вообще в привычках православных, так они представляются любящими евреев, ведут с ними дружеские речи, утешают и увещевают мягкими словами, но... мстят им устами своими и языком своим лгут перед ними, сердце же их несправедливо перед ними и они не верны своему завету»^[33].

Приводя пример столь лицемерного отношения к евреям, Ганновер рассказывает историю из жизни родного Заслава: «Некоторые понадеялись на своих друзей православных, веря, что те их спасут, и они скрывались по лесам в ожидании, пока минет гроза. Когда вернулись... друзья-горожане схватили их, желая убить, и евреи просили, чтоб их убили на кладбище, дабы быть погребенными, согласно обычаю. Так и поступили»^[34]. Таким же образом описывается ситуация в Остроге в 1649 г.: «Жители Острога сначала прикинулись хорошо относящимся к евреям. Они разослали по всей округе письма, в которых приглашали евреев вернуться домой». После возвращения евреев православные призвали казаков, которые напали на евреев и убили их. По словам Ганновера, смогли спастись лишь три еврея и один польский военачальник с 80 воинами»^[35].

Мотив о двуличии христиан, на первый взгляд, отсылает нас к еврейским комментариям на библейскую историю Исав и Якова, когда Исав, целуя своего брата, на самом деле пытается убить его (Быт 33:4). В еврейской литературе Исав становится образом Эдома, христианского мира. Благожелательное отношение к евреям со стороны христиан иллюзорно. Истинное положение вещей проявляется лишь в уповании на Бога, на безоговорочном признании Его воли. Лицемерие и двуличие православных противопоставляется святости еврейских мучеников, единогласно выбравших смерть^[36].

С другой стороны, объяснение такого «лицемерного» отношения к евреям со стороны православных может обуславливаться не только религиозным контекстом. Известно, что отношения христиан и евреев регулировались как с помощью привилегий, утверждавшихся королями или магнатами, так и посредством соглашений, заключаемых с магистратами, которые, хотя были менее благоприятными, чем первые, тем не менее, обеспечивали мирное сосуществование двух враждебных друг другу городских корпораций^[37]. Лицемерность православных – это, может быть, и поддержка, которые оказывали мещане единоверцам-казакам, нарушая, таким образом, данные прежде обязательства.

Хроника Натана Ганновера дает нам возможность проследить, как формировалось столь лицемерное поведение православных. Так, после первых дней восстания, сопровождаемого многочисленными убийствами поляков и евреев, Б. Хмельницкий задается вопросом: «Давайте надумаем что-нибудь, чтоб не стать позорищем и поруганием наших недругов; ведь мы стали отвратны для населения Польши. Когда короли Эдома узнают обо всех наших злодеяниях, они пойдут на нас войной, а нас ведь немного»^[38].

Габриэль, Меир и Натан описывают дилемму, которая через некоторое время встала перед евреями Тульчина. Поляки выдали евреев казакам и евреи намеривались отомстить полякам за их предательство. Однако раввины отговорили их от такого шага, объясняя это тем, что тем самым они подвергнут опасности других евреев в Польше^[39].

Таким образом, дискурсы «православных» и «евреев» оцениваются в контексте еврейской дискуссии о *kiddush ha-shem*. Этическое содержание этой заповеди подвергается определенной универсализации. Как и евреи, так и «православные» понимали и осознавали свое подчиненное положение меньшинства^[40].

оответственно, невольно создается аллюзия, что как православные, так и евреи в мире, где они лишены доступа к власти, должны следовать одним и тем же правилам морали. Однако, в отличие от евреев, Хмельницкий получает совет осквернить «имя Бога». Его лицемерное поведение – рассылка миролюбивых писем полякам и евреям и одновременное обращение к татарам и православному населению истребить своих врагов – единственная возможность выжить уже после трансгрессии заданных границ, определявших социальное и религиозное подчинение и отсутствие легитимной власти для отмщения.

Интересно отметить источники, которые типологически связаны с затронутой хронистами темой мести. И. Юваль приводит пример из книги *Ma'aseh Nissim*, изданной в Вормсе в XVII в. В ней описывается событие, по-видимому, свидетельствующее о готовности евреев ответить на силу силой. События, о которых рассказывает хроника, якобы произошли во время эпидемии чумы в 1349 г. Евреи Вормса, узнав, что их обвиняют в отравлении колодцев и приговорят к смертной казни, во главе с руководителями общины решили ответить насилием на насилие. После того как вердикт был объявлен, они, спрятав в одежде кинжалы, напали на магистрат города и убили его членов^[41]. Подобный эпизод также приведен в *Shevet Yehuda* Соломона ибн Верги, хроникой которого пользовался и Натан Ганновер.

По мнению И. Юваля, событие, описанное в *Ma'aseh Nissim*, с исторической точки зрения сомнительно, однако оно дает нам информацию о том, как евреи желали себя представлять. В Средние века евреи неохотно использовали насилие в актах мести, считая, что месть должна быть отложена до мессианской эпохи. Перечисление евреев, убитых не-евреями, обычно сопровождалось вставкой, что Бог отомстит за их кровь, т. е. месть будет зависеть от воли Бога, но не человека. Хотя еврейские хронисты, описывающие события 1648–1649 гг., рассказывают, как евреи принимали вместе с поляками участие в карательных экспедициях и мстили за кровь убитых соплеменников, тем не менее, традиционное положение об отмщении не-евреев Богом, характерно и для них. Отмщение членам магистрата, как и желание тульчинских евреев отомстить предавших и выдавших их на смерть поляков свидетельствует о подавленных надеждах евреев, которые можно объяснить отсутствием у них реальных источников власти.

Диалог, приведенный в известном сочинении XIII в. *Sefer Hasidim* также проливает свет на возможные источники появления в еврейских хрониках XVII в. дискуссии об отмщении христианам^[42]. В средневековом еврейском трактате рассказывается о том, как один еврей хотел уничтожить христианскую икону. Однако, его спутник пытался отговорить его от такого поступка. Он «сказал ему: «Они могут убить тебя [если ты сделаешь это]». Он сказал: «это ради освящения Божественного имени». Другой ответил: «Ты не получишь награды, но совершишь грех, так как ты подвергнешь опасности свою жизнь. Кроме того, не рискуй своими детьми и другими [еврейскими] жителями города. Что написано: «Не бесчестите святого имени моего, чтоб я был святым среди Сынов Израилевых» (Лев 22:32); «только берегись и тщательно храни душу твою...» (Втор 4:9)^[43]. Таким образом, практика насилия в отношении доминирующего общества признается вредной не только потому, что она приводит к риску для жизни евреев, но и чтобы избежать осквернения Бога (т. н. *hillul ha'shem*)^[44].

Локальная память и социальная реальность

Натан и Меир уделяют внимание социальным причинам казацкого восстания и еврейских погромов. Еврейские хронисты весьма четко отличают «греков» (*javan*) как холопов (*rekim*, *rochazim*) от панов, поляков-католиков. Именно, вероятно, поэтому православный Януш Четвертинский в еврейских хрониках представлен, скорее как католик, чем православный^[45].

Причины конфликта между поляками и православными Ганновер усматривал в социально-религиозных противоречиях: «В его дни усилилась папская вера в Польше, в то время как большинство магнатов и первенствующих панов склонялось к греческой вере и обе церкви были равноправны. Так было до воцарения короля Сигизмунда. Вышеупомянутый король стал возвышать магнатов и панов папской веры и унижать магнатов и панов греческой веры так, что почти все православные магнаты и паны изменили своей вере и перешли в папскую, а православный народ стал все больше нищать, сделался презираемым и низким и обратился в крепостных слуг панов и даже, особо скажем, у евреев»^[46] (*nevezim u'shfelim behaju le'avdim ve'lishfahot (sic!) le'am polin ve'le-yehudim leavdil*; «рабы и рабыни»: ср. Втор, 28:68; 2 Ис. 14:2, Иер. 34:11, 34:16, Эсф. 7:4, 2 Пар. 28:10)^[47]. Можно с большей уверенностью предполагать, что Ганновер, приводя этот отрывок в своей хронике, использовал источник православного происхождения. Приведенный отрывок имеет ярко выраженный локальный характер, который приобретает общепольский масштаб. Ганновер, житель небольшого волынского местечка, отображает историческую память православных, жителей своей области, когда пишет о славном и добром времени, когда почти вся знать исповедовала православие, а католическая и православная церкви пользовались равноправным положением. Несложно отметить аналогии такого представления в книжной украинско-белорусской православной культуре Речи Посполитой рубежа XVI–XVII вв., как в «Перестроге» (1606) Мартина Броневского и «Треносе» (1610) М. Смотрицкого и отметить расхождение этого представления с конкретной исторической ситуацией даже перед 1648 г.^[48]

Автор *Yaven Metsula*, описывая тяжелый статус православных, невольно сопоставляет их положение с ситуацией евреев, которые были рабами в Египте: «Беднота православного народа была поработана магнатами и панами, они омрачали их жизнь тяжкими работами и всякими трудами дома и в поле... И так они были унижены, что почти все народы, и даже тот народ, что стоит ниже всех (т.е. евреи), владычествовали над ними»^[49].

По мнению С. Плохия, описание Ганновером горестного положения простого населения может иметь своим источником «христианскую пропаганду», православную или католическую проповедь^[50]. Вместе с тем, подобное отношение Ганновера лежит в русле моралистических традиций раввинистической литературы. Указывая, что аренда евреями шляхетских поместий стала одной из главных причин постигших их бедствий, Ганновер следует предостережениям еврейских институтов, запрещавших подобные занятия^[51]. Так, первое решение Ваада Четырех земель 1581 г. запрещало в границах Великой и Малой Польши и Мазовии под угрозой анафемы и штрафа в сумме 200 злотых арендовать сбор чоповый (пошлины с алкогольных напитков), монетные дворы и таможни. Запрет на этот вид деятельности был обоснован тем, что подобного рода занятия могут привести к «большой опасности»^[52]. Однако требование Ваада не было выполнено. В одном из своих респонсов рабби Иоэль Сиркес (1561-1640) повторил опасения еврейской элиты на то, что занятия евреями арендой могут спровоцировать еврейские погромы. В частности, от имени руководства еврейских общин он вновь запретил евреям держать в откупе сбор чоповый, так как жалобы христиан на то, что евреи «господствуют и правят над ними как короли и князья», несут в себе большую опасность^[53].

Любопытно также отметить, что Ганновер пишет не только о социальном, но и религиозном притеснении православных, отмечая, что польское правительство принуждало православных жителей принимать «папскую веру»: «И наложили на них (православных) паны большие

подати, а некоторые паны подвергали их тяжким и горьким мучениям, побуждая их перейти в папскую веру»^[54]. Как показано Б.Н. Флорей, несмотря на все попытки униатских иерархов сохранить эkkлезиологическую независимость от католической церкви, представление о том, что уния – это «папская вера» – разделялось решительным большинством низового православного населения^[55].

В *Tsok ha'ittim* и *Yaven Metsula* рассказывается не только о еврейских погромах, устроенных казаками и поляками^[56], но и о бедствиях, постигших христианское население. При этом речь идет не только о католиках^[57], но и о самих православных^[58]. Евреи, чьи свидетельства пытаются передать хронисты, понимают, что православные жители также оказываются в опасности от нападений татар и казаков. Поэтому Натан Ганновер и Меир из Щербешина описывают не только помощь со стороны поляков, например, И. Вишневецкого, но и иногда тесные отношения с традиционно враждебными к евреям мещанами как католиками^[59], так и православными^[60].

Невозможно проверить достоверность каждого описанного в хрониках Меира из Щербешина, Габриэля Шусберга и Натана Ганновера эпизода. Из-за редакторской переработки событий 1648–1649 гг. мы узнаем о культурном самовосприятии авторов больше, чем о деталях самих событий. Подчеркивая специфический характер еврейских хроник как исторического источника, мы, тем не менее, не можем игнорировать их важность в качестве продукта представляемой культуры. Еврейские хронисты представляли православных казаков в образе врага, угрожавшего имуществу, статусу и жизни евреев и питавшего к ним религиозную ненависть. Таким образом, формировался идеализированный апологетический образ святой общины, и ее разрушение оценивалось как испытание веры. Вместе с тем антихристианские мотивы еврейских хроник XVII в. не приобретают такой остроты, какую они получили в хрониках XII в.

Для авторов хроник бунтовщики – казаки, крестьяне и примкнувшие к ним православные горожане – низы общества, лишенные какой-либо поддержки со стороны шляхты, ассоциированной хронистами только с поляками-католиками. Поэтому неслучайно, что Натан Ганновер, Габриэль Шусберг и Меир из Щербешина показывают, что казацкое восстание было вызвано не только религиозной ненавистью к католикам и евреям, но и социальными и политическими причинами. Часть христианского населения Украины, тем не менее, оказывало евреям помощь. Хронисты признавали, что даже в конфликтной ситуации евреи и православные могли поддерживать близкие и даже дружественные отношения. Подобная разносторонность еврейских хроник, по всей видимости, была обусловлена разнообразием используемых источников различного происхождения.

Footnotes

[1] Три еврейские хроники – Натана Ганновера, Меира из Щербешина и Шабтая Хакоена – были переведены на русский и прокомментированы С.Я. Боровым. Его перевод и комментарии были опубликованы только в 1997 г. (Еврейские хроники XVII столетия (эпоха «хмельничины»). М., 1997). Отрывок из хроники Габриэля Шусберга приведен в дополнении к статье Э. Фрама (Edward Fram, *Creating a Tale of Martyrdom in Tulczyn, 1648*// Jewish History and Jewish Memory: Essays in Honor of Y. N. Yerushalmi, red. Elisheva Carlebach, John Efron, David Myers, Hanover-London, 1998, p. 101–112).

[2] О представлении *kiddush ha-shem* и его роли в еврейском сознании см.: Наталия-Эстер Заболотная, *Кнессет Исраэль и духовная миссия еврейства в мистической символике (некоторые подходы)*, “Тирш”, 6 (2003), с. 60–69; Avraam Grosman, *Shorashav shel kiddush ha-shem be-Ashkenaz ha-kaduma* (Источники концепта “Kiddush ha-shem” у ашкеназских евреев в

Средние века) // Kdushat ha'hayim ve'hiruf ha'nefesh. Kobetz ma'amrim lizkor shel Amir Jekutiel, red. Yeshayahu Gafni, Aviezer Ravitski (Святость жизни и самопожертвование. Сборник статей памяти Амира Йекутиэля), Jerusalem, 1992, p. 99-130; Joseph Dan, *Hishtakfut kiddush ha'shem ba'sifrut ha'ijunit shel Hasidei Ashkenaz* (Отражение концепта Kiddush ha-shem в литературе немецких хасидов) // Milchemet kodesh u'martirologiya bi'toldot Israel uve'toldot ha'amim (Святая война и мартирологическая традиция в истории евреев и других народов), Jerusalem, 1968, p. 121-129.

[3] В еврейских хрониках XVII в., описывающих события на Украине 1648 г., тем не менее, нет каких-либо прямых ссылок на еврейские тексты времен Первого крестового похода, которые были опубликованы позже 1648 г. Сравнение мученичества польских евреев идет по линии казненных в 1171 г. по обвинению в ритуальном убийстве евреев Блуа (Adam Teller, *Jewish Literary Responses to the Events of 1648-49 and the Creation of a Polish-Jewish Consciousness* // Culture Front: Representing Jews in Eastern Europe, red. Benjamin Nathans, Gabriella Safran, Philadelphia, 2008, p. 25). Каким образом и через какие источники мартирологическая традиция, шедшая из поминальных элегий, воздействовала на создание исторических текстов указал И. Зиммер (Itzhak (Erik) Zimmer, *Gezeirot Tatnu be-sifrei ha-minhagim bi-yemei ha-bejneyim u-ba-et ha-hadasha* (Погромы 1096 г. в еврейской литературе Средних веков и Нового времени) // Yehudim mul ha'tzelav: Gezeirot Tatnu ba'istoria u'baihistoriografya, red. Yom Tov Assis. Jerusalem, 2000, p.157-170).

[4] Gershon Bacon, *The House of Hannover: Gezeirot Tah in Modern Jewish Historical Writing*, "Jewish History" 17 (2003), nr 2, p. 179-206; Fram, *Creating a Tale...*, p. 89-109. О погроме 1648-1649 гг. в еврейской, польской и украинской исторической памяти и историографии см.: Joel Raba, *Between Remembrance and Denial: The Fate of the Jews in the Wars of the Polish-Lithuanian Commonwealth During the Mid-Seventeenth Century As Shown in Contemporary Writings and Historical Research*, Boulder, 1995.

[5] Bernard Dov Weinryb, *The Hebrew Chronicles on Bogdan Khmel'nyts'kyj and the Cossack-Polish War*, "Harvard Ukrainian Studies" 1 (1977), nr 2, p. 153-177; Jaroslav Pelensky, *The Cossack Insurrections in Jewish-Ukrainian Relations // Ukrainian-Jewish Relations in Historical Perspective*, red. Howard Aster, Peter Potichnyj, Edmonton, 1990, p. 31-42.

[6] Сергій Плохій, *Хмельниччина і євреї. Причинки до ідеології повстання* // Prosphonema. Історичні та філологічні розвідки, присвячені 60- річчю акад. Я. Ісаєвича, уклад. Богдан Якимович, Львів, 1998, с.475-487; Франк Сисин, *Євреї та повстання Б. Хмельницького* // *Marra mundi: Збірник наукових праць на пошану Я. Дашкевича з нагоди його 70-річчя*, ред. кол.: Ігорь Гирич, Ярослав Грицак, Мирон Капраль etc Львів, 1996, с. 479-488; Shaul Stampfer, *What Actually Happened to the Jews of Ukraine, 1648?*, "Jewish History" 17 (2003), nr 2, p. 207-227.

[7] Gershon Bacon, Moshe Rosman, *Kehilla nivheret bi'metsuka: Yahadut polin be'ikvot gezeirot Tah-Tat* (Избранная община в опасности: польские евреи после погромов 1648-1649 гг.) // *Ra'ayon ha-behira be'Yisrael u ba'amim*, red. Shmuel Almog, Michael Heyd. Jerusalem, 1991 (Идея избранности у евреев и у других народов). P. 207-219.

[8] Наталия Яковенко, *Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI-XVII ст.*, Київ, 2002, с. 189-228.

[9] Teller, *Jewish Literary Responses...*, p. 17-45.

[10] Moshe Rosman, *A Minority Views the Majority: Jewish Attitudes Towards the Polish-Lithuanian Commonwealth and Interaction With Poles* // *From Shtetl to Socialism: Studies from "Polin"*, red. Antony Polonsky. London, 1993, p. 39-49; Weinryb, *The Hebrew Chronicles...*, p. 166-170.

[11] Этот вопрос был частично освещен в статье Вайнриба (Weinryb, *The Hebrew Chronicles...*, p. 170-176), однако проведенный исследователем анализ не является окончательным.

[12] Так, например, Габриэль Шусберг в Petach Tshuva непосредственно противопоставляет жертвоприношение Исаака «повешению» Иисуса, создавшего ложный Завет: "*Mara de'Avraam talita tan'ja bedlo tan'ja behahu palan'ja gvar bar katil avid orajcha plastira u'magan'ja*" («Бог Авраама соединил то, что было написано и что не было, а некто, повешенный на дереве, искажил Тору, защищающую нас»). Видимая реальность, в которой христиане торжествуют над евреями, является обманчивой; в действительности же – вера казаков, преследующих

евреев, разрушающих синагоги и уничтожающих свитки Торы, ложка (цит. по: Bacon, Rosman, *Kehilla nivheret bi-metsuka...*, p. 209).

[13] Ivan Marcus, *Jewish-Christian Symbiosis: The Culture of Early Ashkenaz // Cultures of Jews. A New History*, ed. David Biale, New York, 2002, p. 471-472; David Biale, *Counter-History and Jewish Polemics Against Christianity: The «Sefer Toledot Yeshu» and «Sefer Zerubavel»*, "Jewish Social Studies" 6 (1999), nr 1, P. 130-145.

[14] Шабтай Хакоен. Свиток тягот..., с. 187-188.

[15] Fram. *Creating a Tale...*, p. 112.

[16] Ibidem p. 109-111. «И, несомненно, Господь готовил праздничную жертву, чтобы призвать гостей на трапезу Царицы Субботы, которые должны стать сладким ароматом, воскуряющимся в напоминание о Боге на святом жертвеннике». По наблюдению Фрама, этот мотив был подчеркнут из эсхатологической литературы Второго храма.

[17] Marcus, *Jewish-Christian Symbiosis...*, p. 481-482.

[18] Натан Ганновер, *Пучина бездонная...*, с. 94, 95, 99; 118; Меир из Щебжешина, *Тяготы времен...*, с. 159, 162, 165, 165-166, 166, 171, 172; Шабтай Хакоен, *Свиток тягот...* с. 186, 188-189. О разрушении синагог сообщает также запись Литовского ваада 1650 г.: «Враг настолько осмелел, что простер свою руку на святые храмы и прославленные рассадники учения были сравнены с вспаханным полем». См.: Пинкас Литовского ваада, "Еврейская Старина", 1911, вып.2, с. 262. См. также «Плачи» рабби Ш. Горовица и рабби А. Готкинда (Bacon, Rosman, *Kehilla nivheret bi-metsuka...*, p. 213-214).

[19] Натан Ганновер, *Пучина бездонная...*, с. 94, 99; Меир из Щебжешина, *Тяготы времен...*, с. 159, 160-161, 162, 164, 171; Шабтай Хакоен, *Свиток тягот...*, с. 186.

[20] Это две легенды о девушках из Немирова. Одна была застрелена казаком, ее мужем, поверившим, что она заговорила себя от пули, вторая – бросилась с моста и утонула по дороге на венчание (Натан Ганновер, *Пучина бездонная...*, с. 99-100). Меир знает только о второй девушке (Меир из Щебжешина, *Тяготы времен...*, с. 158). О фольклорных легендах и песнях см.: Hayim Yona Gurland, *Le'korot ha'gzeirot al Israel*, Kraków, 1889. Т. 5 (К истории преследований еврейского народа), p. 33-37; Jakob Schatzki, *Histariisch kritischer araynfir tsum «Yaven Metsula» fun R. Natan Neta Hanover* [в:] *Gezeros* 1648, Wilno, 1938, p. 107-109. О крещении девушек (т.е. спасении жизни) и об убийстве евреев-мужчин упоминает траурная элегия о погроме в Кременце Элизера Липмана Майзеля. Одна еврейка из респонсов р. Менахема Менделя Крохмаля, описывая резню в Полонном, рассказывала, что казаки уничтожали мужчин, но женщин только «били и ранили», говоря при этом, что «достаточно им будет того, что они будут странствовать по миру» (Edward Fram, *Bejn 1096 le 1648/49 - Ijun mechadesh* (К статье Я. Каца «Между 1096-1648 гг.»: Новая оценка), "Zion" 61 (1996), nr 2, p. 173, 174-175). Посетивший в мае 1650 г. Украину венецианец Альберто Вимино вспоминает о двух еврейках «незаурядной красоты, обвенчанных с двумя грубыми мужиками, которые заставляли их носить на шее священные знаки, а также посещать церковь, хотя еврейки и не были крещены, но в остальном им была предоставлена полная свобода в исполнении своих обрядов» (*Донесение венецианца Альберто Вимино о казаках и Б. Хмельницком*, "Киевская старина" 1900, nr 1, с. 73). Об общем для евреев и христиан фольклорном сюжете о еврейке Хайке, которая была обольщена казаком, но затем утонула в Дунае, см.: Volodymir Lyubchenko, *Didactic Ballad of Haika: Some Approaches to the Question of Ukrainian-Jewish Bilingual Folklore*, [в:] *Українська орієнталістика: спеціальний випуск з юдаїки*, ред. В. Черноіваненка. Київ, 2011, p. 225-242.

[21] Натан Ганновер, *Пучина бездонная...*, с. 94, 99, 118; Меир из Щебжешина, *Тяготы времен...*, с. 163, 170.

[22] «Один разбойник убивал сотни детей, сотни отпрысков священного древа. Когда он резал детей, он в своем жестокосердии говорил злодеям, его окружавшим: «Трефное мясо бросайте собакам», и он продолжал резать еврейских детей, словно ягнят на бойне, и, смеясь, кричал приятелям: «кошер» (Меир из Щебжешина, *Тяготы времен...*, с. 170-171). «В святой общине Кременец один злодей взял нож еврейского резника и зарезал им несколько сот еврейских детей. Он спрашивал своего приятеля: кошерное ли это мясо или трефное. Когда тот отвечал: «трефное», он бросал тело ребенка собакам. Потом брал другого мальчика

на бойню, резал его, тогда приятель говорил: «кошерное». Они подвергали мясо осмотру (как это поступают с мясом козлят и овец), и, надев его на шест, носили по всем улицам города, возглашая: «Кто хочет купить козлятину или овечину»? Господь да отомстит за их кровь» (Натан Ганновер, *Пучина бездонная...*, с. 118-119).

[23] Israel Yuval, «*They tell lies: you ate the man*»: *Jewish Reactions to the Ritual Murder Accusations // Religious Violence Between Christians and the Jews. Medieval Roots and Modern Perspectives*, red. Anna Sapir Abulafia, New York, 2002, p. 91-92.

[24] Натан Ганновер, *Пучина бездонная...*, с. 98. По словам Меира, в Немирове «православные горожане давно таили ненависть к евреям» (Меир из Щебжешина, *Тяготы времен...*, с. 163).

[25] Меир из Щебжешина, *Тяготы времен...*, с. 161, 163 («И они слышали, как злодеи торжествуют и веселятся под звуки музыки и танцев»), Натан Ганновер, *Пучина бездонная...*, с. 97.

[26] Натан Ганновер, *Пучина бездонная...*, с. 120.

[27] Меир из Щебжешина, *Тяготы времен...*, с. 172.

[28] Натан Ганновер, *Пучина бездонная...*, с. 107, 108; Меир из Щебжешина, *Тяготы времен...*, с. 165 (ср. Втор. 28:67).

[29] Акцент на религиозных причинах погромов важен в связи с тем, что некоторые польские раввины XVI-XVII вв. пересмотрели заповедь *kiddush ha'shem*. По мнению рабби Шабтая бен Меира а-Коэна (рабби Шах) и рабби Давида бен Шмуэля Халеви (рабби Таз), заповедь о *kiddush ha-Shem* обязательна к исполнению лишь в ситуации «гонения» (*ha-shmad*), т. е. в том случае, если евреи преследуются исключительно из-за их религиозных убеждений. Мнения рабби Шаха и рабби Таза противоречили установившемуся положению Маймонида, Якова Бен Ашера и Йосефа Каро, которое было воспринято польскими раввинами (Мордехаем Яффо, Соломоном Лурией, Иегошией Фальком) (Fram, *Bejn 1096 le 1648/49...*, p. 166).

[30] Яков Кац, *Традиция и кризис. Еврейское общество на исходе Средних веков*. Перевод Б. Дымарского. М., 2010. С. 42, 50-83; Jacob Katz, *Bejn 1096 le 1648/49* (Между 1096-1648/49 гг.) // *Sefer jubal le'itzchak Baer be'malaot lo shvaim shana*, Jerusalem, 1961, p. 318-337; Katz J. Od al «Bejn 1096 le 1648/49» (Еще раз к моей статье «Между 1096-1648/49 гг.»), "Zion" 62 (1997), nr 1, p. 23-24. Мнение Каца о снижении антихристианской полемики в еврейской литературе XVI-XVII вв. было оспорено Д. Бергером: David Berger, *Mission to the Jews and Jewish-Christian Contacts in the Polemical Literature of the High Middle Ages*, "American Historical Review", 91 (1986), nr 3, p. 576-591; он же, *Al tadmitam veguralam shel hagoyim bisifrut ha-pulmus ha-ashkenazit* (Образ и судьба неевреев в еврейской полемической литературе) // *Yehudim mul ha'tzelav: Gezeirot Tatnu ba'historia u'baihistoriograia*, red. Yom Tov Assis. Jerusalem, 2000, p. 74-91; он же, *Jacob Katz on Jews and Christians in the Middle Ages // The Pride of Jacob: Essay on Jacob Katz and His Work*, ed. Jay. M. Harris, Cambridge, 2002, p. 41-63, См.: дискуссию по поводу исторической достоверности *kiddush ha shem* в 1648 г.: см.: Fram, *Bejn 1096 le 1648/49*; Edward Fram, *Ve'adajn bejn 1096 le 1648/49* (Еще раз к вопросу о еврейском мученичестве в 1096 и в 1648 гг.), "Zion" 62 (1997), nr 1, p. 31-46.

[31] Меир из Щебжешина, *Тяготы времен...*, с. 156. В то же время казаки – «опытные и отважные воины».

[32] Там же, с. 157.

[33] Натан Ганновер, *Пучина бездонная...*, с. 89. (Ср. Притчи 26:25). То, что основной чертой православных в глазах еврейских хронистов является лицемерие, отмечал Б.Д. Вайнриб, однако он не указал на какие-либо источники такого отношения (Weinryb, *The Hebrew Chronicles...*, p. 171-174).

[34] Натан Ганновер, *Пучина бездонная...*, с. 109.

[35] Там же С. 122. О погроме в Остроге см.: *Materiały źródłowe do dziejów Żydów w księgach grodzkich lubelskich z doby panowania Władysława IV i Jana Kazimierza Wazy 1633-1669*, Oprac. Henryk Gmiterek. Lublin, 2006. Т. 1. № 555. s. 100.

[36] Понятие «лицемерия» также получило широкое распространение в проповеднической

литературе польского еврейства. См.: Jacob Elbaum, *Aspects of Hebrew Ethical literature in Sixteenth-Century Poland // Jewish Thought in the Sixteenth Century*, red. Bernard Dov Cooperman. Cambridge, MA, 1983, p. 146-166.

[37] François Guesnet, *The 'Ugody' as a Source on Jewish-Christian Relations in Early Modern Poland*, "Jewish History" 24 (2010), nr 3-4, p. 257-270; Jacob Goldberg, *De Non-tolerandis Judaeis: On the Introduction of Anti-Jewish Laws in Polish Towns and the Struggles Against Them // Studies in Jewish History*, Presented to Prof. R. Mahler on His Seventy-fifth Birthday, red. Shmuel Yeivin. Merchavia, 1974, p. 39-52.

[38] Натан Ганновер, Пучина бездонная..., с. 96.

[39] «Однако по совету ученых, раввинов было принято необходимое постановление не стать самими ненавидимыми среди жителей страны, в глазах короля и сановников Польского королевства и отдать наши души во имя освящения имени Его, благословен Он, и не нападать на польскую знать, чтобы не осквернить колена Иуды, остаток [Израиля] (Fram, *Creating a Tale...*, p. 105), «И евреи решили постоять за себя и перебить всех панов в отмщение за предательство. И евреи вооружились. Но местный раввин стал мудро уговаривать и увещевать их. Он говорил: "Не убивайте панов. Когда весть об этом разнесется по Польше, против евреев ополчатся все князья Эдома и они вместе с православными перебьют всех братьев наших, что в изгнании. Отдайте нашу земную жизнь за святость имени, а наше добро православным — и заслужим вечное блаженство. А, может быть, они смилостивятся над нами, нашими женами, детьми и младенцами. Но если мы за свои прегрешения заслужили смерть, то да примем с любовью приговор"» (Меир из Щебжешина, *Тяготы времен...*, с. 160). «Когда евреи поняли их хитрость, они решили отомстить прежде всего панам, которые нарушили заключенный с ними договор, и постоять за себя. Тогда рош-а-иешива св. общины Тульчин гаон Аарон громко закричал: «Слушайте, братья, и мой народ, мы находимся в изгнании между народами. Если вы подымете руку против панов и об этом услышат короли Эдома, они отомстят за них всем нашим братьям, что в изгнании, от чего сохрани господь. Если так решено на небесах – примем нашу кару с радостью. Чем мы лучше наших братьев в св. общине Немиров? Да внушит господь милосердие нашим врагам. Быть может, отдав им все наши ценности, мы выкупим свои жизни» (Натан Ганновер, *Пучина бездонная...*, с. 101).

М	Н
е	а
и	т
р	а
и	н
з	Г
Щ	а
е	н
б	н
ж	о
е	в
ш	е
и	р
н	
а	
В	Б.
ы	Х
со	м
к	е
о	л
м	ь
е	н
р	и
н	ц

ы	к
е,	и
ж	й
е	б
ст	ы
о	л
к	ч
ос	е
е	л
р	о
д	в
н	е
ы	к
е,	у
с	м
ы	н
ы	й,
ж	н
е	о
ст	с
о	у
к	м
ос	о
е	м
р	н
д	а
н	п
ы	р
х,	а
л	в
и	л
ц	е
е	н
м	н
е	ы
р	м
н	н
ы	а
е	з
и	л
д	о
в	е;
у	п
л	р
и	е
ч	д
н	п
ы	р
е	и
(в	и
о	м
т	ч
о	и

н	в
и	ы
п	й
р	х
и	и
к	т
и	р
д	е
ы	ц
в	(
а	у
ю	у
тс	л
я	л
л	п
ю	л
б	л
я	(л
щ	и
и	о
м	т
и	в
в	а
а	ж
с,	н
с	ы
л	й
о	в
в	о
н	и
о	н
д	н)
р	л
уз	п
ь	м
я	п
д	л
е	л
тс)
т	...
в	в
а,	д
а	у
в	ш
т	е
а	о
й	н
н	за
и	м
к	ы
а	ш
х	л
д	я
у	л

Ш	з
и	л
о	о
н	е,
и	к
за	а
м	к
ы	в
ш	о
л	б
я	щ
ю	щ
т	е
п	в
р	п
о	р
л	и
и	в
т	ы
ь	ч
и	к
х	а
к	х
р	п
о	р
в	а
ь	в
и	ос
о	л
в	а
л	в
а	н
н	ы
д	х,
е	т
т	ь
ь	а
б	к
е	о
с	н
п	и
р	п
е	р
п	е
я	д
тс	ст
т	а
в	в
е	л
н	я
н	ю
о	тс
вс	я
е	л
м,	ю

ч	б
т	я
о	щ
п	и
р	м
и	и
н	е
а	в
д	р
л	е
е	е
ж	в,
и	в
т	е
в	д
а	у
м)	т
п	с
р	н
а	и
в	м
о	с
л	д
а	р
в	у
н	ж
ы	е
е	ск
в	и
5	е
4	р
0	е
8	ч
г	и,
...	у
п	т
о	е
с	ш
л	а
е	ю
к	т
о	и
н	у
ч	в
и	е
н	щ
ы	к
к	е
о	в
р	а
о	ю
л	т
я	м
в	яг
л	к

а	и
д	м
и	и
с	с
л	л
а	о
в	в
а	а
и	м
д	и,
о	н
в	о
о	л
ц	ь
а	т
р	я
е	т
н	и
и	м
я	у
к	с
о	т
р	а
о	и
л	с
я	в
к	о
а	и
з	м
и	и
и	и
и	яз
р	ы
а	к
с	о
о	о
е	м
д	с
и	в
н	о
и	и
и	м
л	л
и	л
и	гу
с	т
с	п
г	е
н	р
у	е
с	д
н	н
ы	и
м	и
п	м
л	и,
е	с
м	е
е	р

н	д
е	ц
м	е
т	ж
а	е
т	и
а	х
р.	н
т	е
а	с
к	п
о	р
б	а
ъ	в
е	е
д	д
и	л
н	и
и	в
л	о
и	п
сь	е
о	р
п	е
ы	д
т	н
н	и
ы	м
е	и
и	и
о	н
т	н
в	и
а	н
ж	е
н	в
ы	е
е	р
р	н
в	ы
о	св
и	о
н	е
ы.	м
'	у
ה	ז
ר	א
ד	ב
ח	ע
ט	ת
ז	ו
ו	»
ב	(П
'	с.
א	7

כז	8(
רי	7
ם	7)
כ	:3
א	6-
ש	3
ר	7)
היו	.
מ	ול
דו	יבו
ר	חו
דו	ר
רי	ש
ם	או
ב	וכ
פ	דר
ה	ך
ר	כל
ק	היו
ה	ני
מ	ם
ה	ש
מ	ה
דב	ם
רי	נר
ם	אי
נר	ם
אי	כ
ם	או
כ	ה
או	בי
ה	ם
בי	לי
ם	הו
א	די
ה	ם
ב	ע
ת	מ
נע	ה
ורי	ם
ם	דב
וד	רי
בר	ם
י	טו
פי	בי
ה	ם
ם	ונ
נר	חו
אי	מי
ם	ם
יש	ומ
רי	פ
ם.	תי
וכ	ם

ל	ל
א	א
ד	ד
ם	ם
ל	ל
ש	ש
פ	פ
ו	ו
ך	ך
י	י
ם	ם
ר	ר
כ	כ
ד	ד
י	י
ם	ם
ש	ש
ם	ם
ל	ל
ב	ב
מ	מ
ה	ה
ם	ם
ס	ס
ת	ת
ו	ו
י	י
פ	פ
ר	ר
י	י
ם	ם
ה	ה
ו	ו
ל	ל
ב	ב
פ	פ
י	י
ה	ה
פ	פ
ו	ו
ך	ך
ם	ם
ה	ה
ו	ו
ב	ב
ל	ל
ר	ר
י	י
ם	ם
ש	ש
ו	ו
נ	נ
ם	ם
ב	ב
מ	מ
י	י
כ	כ
ז	ז
ה	ה
ב	ב
ו	ו
ל	ל
פ	פ
כ	כ
ה	ה
ו	ו
ל	ל
ר	ר
י	י
ם	ם
ש	ש
ו	ו
נ	נ
א	א
ה	ה
נ	נ
כ	כ
ו	ו
ל	ל
נ	נ
ח	ח
ו	ו
ל	ל
ע	ע
ת	ת
מ	מ
ו	ו
ל	ל
ב	ב
א	א
י	י
י	י
נ	נ
א	א
ק	ק
מ	מ
נ	נ
צ	צ
ר	ר
י	י
ם	ם
.	.
ע	ע
ב	ב
ר	ר
י	י
ם	ם
ת	ת
ו	ו
.	.
ע	ע
מו	O
ר	3
ה,	a
י	c
ין	c
ק	ת
ו	ו
ד	a
ר	b
,	e:
ב	H
ע	

לי	e
זמ	к
ור	о
.ה.	т
..	о
נת	р
ח	ы
בר	e
יין	п
וק	о
דר	н
ב	а
ח	д
בו	e
ר	я
,ה,	л
ב	и
ע	сь
לי	н
מ	а
ל	св
ח	о
מ	и
ה	х
קו	д
ל	р
עי	уз
ם	e
ע	й
ל	п
ה	р
ש	а
ע	в
ר	ос
,ה,	л
אנ	а
שי	в
מ	н
דו	ы
ה	х,
ב	в
ע	e
לי	р
גב	я,
ור	ч
ה	т
	о
	т
	e
	и
	х
	с
	п
	а

су
т,
и
о
н
и
ск
р
ы
в
а
л
и
сь
п
о
л
е
с
а
м
в
о
ж
и
д
а
н
и
и,
п
о
к
а
м
и
н
е
т
г
р
о
з
а.
К
о
г
д
а
в
е
р
н
у
л
и
сь

...
Д
р
у
з
ь
я-
го
р
о
ж
а
н
е
сх
в
а
т
и
л
и
и
х,
ж
е
л
а
я
у
б
и
т
ь,
и
е
в
р
е
и
п
р
о
с
и
л
и,
ч
т
о
б
и
х
у
б
и
л

И
Н
а
к
л
а
д
б
и
щ
е,
д
а
б
ы
б
ы
т
ь
п
о
г
р
е
б
е
н
н
ы
м
и,
с
о
г
л
а
с
н
о
о
б
ы
ч
а
ю.
Т
а
к
и
п
о
с
т
у
п
и
л

и. О б о с т р о г е: Ж и т е л и О с т р о г а «с н а ч а л а п р и к и н у л и с ь х о р о ш о т н о с я щ и м с я к е в

р
е
я
м.
О
н
и
р
а
з
о
с
л
а
л
и
п
о
в
с
е
й
о
к
р
у
г
е
п
и
с
ь
м
а,
в
к
о
т
о
р
ы
х
п
р
и
г
л
а
ш
а
л
и
е
в
р
е
е
в
в

- [40] Ср. с описанием битвы под Корсунем, переданным Меиром. Засланные в польский лагерь казаки уговаривали поляков совершить нападение на Хмельницкого: «Кто сможет устоять против врага; ведь мы по сравнению с ними так малочисленны, давайте совершим на них внезапное нападение, – тогда, может быть, нам удастся нанести поражение» (Меир из Щебжешина, *Тяготы времен...*, с. 157).
- [41] Yuval, *Jewish Reactions...*, p. 87–88. И. Юваль отмечает, что желания отмщения в еврейском обществе более характерны для раннего Нового времени, чем для Средневековья.
- [42] *Sefer Hasidim* впервые был издан в Болонье (1538), затем в Базеле (1580) и Кракове (1581). См. дискуссию о влиянии средневекового немецкого хасидизма на еврейское общество Польши в XVI-XVII вв.: Edward Fram, *German Pietism and Sixteenth-and Early Seventeenth Century Polish Rabbinic Culture*, "The Jewish Quarterly Review" 96 (2006), nr 1, p. 50-59.
- [43] Marcus, *Jewish - Christian Symbiosis...*, p. 483.
- [44] Ср. с мнением рабби Менуха Генделя, единственного из польских раввинов XVII в. высказавшего мнение против полнения заповеди kiddush ha'shem даже в ситуации shmad, поскольку в случае крещения евреи могут спасти свои и жизни других евреев: "Yachol laavor ve'lo laharog, mitzva avdej kedej lehatzil nevesh havrejhem vegam hova"; "Ma lo lehinatzel ma'avira shel a[voda] z[ara] u'lavo le'jad' avira shel shfichut damim she'imsor chaviro be'jadi gojim laharog[?]" (Fram, *Bejn 1096 le 1648/49...*, p. 164). «Что <ему> с того, чтобы избежать греха идолопоклонства и впасть в грех кровопролития, предав товарища на смерть от рук иноверцев[?]»
- [45] «Православные сейчас же вошли в крепость, и начальник католиков князь Четвертинский» (Меир из Щебжешина, *Тяготы времен...*, с. 160). Хотя Ганновер прямо никогда не называет Четвертинского «католиком», однако последовательно противопоставляет «панов», во главе которых стоит князь, «православным» (См.: Натан Ганновер, *Пучина бездонная...*, с. 102-103). Выражаю глубокую благодарность К. Нотариусу, обратившему внимание на эту особенность еврейских хроник.
- [46] Натан Ганновер, *Пучина бездонная...*, с. 85.
- [47] Натан Ганновер, *Пучина бездонная...*, с. 85.
- [48] В «Перестроге» утверждалось, что «злые сусиде» «великих панов науками и способами розмаитыми от церкви» вывели, и «все поспольство до знищени я приведено и убозство намножило». Ее автор писал, что «руское панство» отказалось от своей веры, сменили даже фамилии и имена, чтобы ничто не напоминало об их связи с предками. В послании Львовского братства 1609 г. в Новый Константинов сообщалось об утрате Русью своей знати, благодаря коварной политике ляхов, «привлекших местных князей и панов» «розными лагодностями до едности з собою». Цит по: Борис Флоря, *Осмысление конфликтов, вызванных Брестской унией 1596 г. верхами православного белорусского и украинского общества* // Михаил Дмитриев, Лев Заборовский, Анатолий Турилов, Борис Флоря, *Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в.*, М., 1996, Ч. 2. с. 67–68. Процесс полонизации украинской шляхты до 1648 г. затронул, прежде всего, православных магнатов, перешедших в католичество или в унию, в то время как основная

часть средней и мелкой шляхты, особенно на Волыни, из которой происходил сам Ганновер, осталась верна православию. Об этом см.: Henryk Litwin, *Katolicyzacja szlachty ruskiej a procesy asymilacyjne na Ukrainie w latach 1569–1648*, [в:] *Tryumfy i porażki. Studia z dziejów kultury polskiej XVI–XVII w.*, pod red. Marii Boguckiej i Janusza Tazbira, Warszawa, 1989, s. 59–60; он же. *Napływ szlachty polskiej na Ukrainę 1569–1648*, Warszawa 2000; Наталия Яковенко, *Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна)*. Київ, 1993, с. 215–217.

[49] Натан Ганновер, *Пучина бездонная...*, с. 85.

[50] Serhij Plokchi, *The Cossacks and Religion in Early Modern Ukraine*, Oxford, 2001, p. 205.

[51] Натан Ганновер, *Пучина бездонная...*, с. 90. Один еврей «арендовал указанный город у упомянутого пана, подобно всем евреям в Руси, которые таким образом стали там повсеместно управляющими и хозяевами. Это и явилось причиной страшного бедствия, ибо евреи своим высоким положением вызывали зависть».

[521] Artur Cygielman, *Iskei hakhirot shel yehudei Polin u'kesharam le'hithavut Vaad arba aratzot* (Арендные контракты и их связь с созданием Ваада Четырех земель), "Zion" 47 (1982), nr 2, p. 135–137..

[53] Цит по: Fram, *Bejn 1096 le 1648/49...*, p. 172. Ср. с увещеваниями краковского раввина Самуила Файбиша соблюдать субботу. По замечанию Файбиша, если даже евреи, которые были рабами в Египте, заботились о субботнем отдыхе, то тем более сейчас, когда иудеи уже не «являются рабами, но стали господами», они тем более обязаны соблюдать святость субботнего отдыха (Teller, *Jewish Literary Responses...*, p. 19).

[54] Натан Ганновер, *Пучина бездонная...*, с. 85.

[55] Борис Флоря, *Отражение религиозных конфликтов между противниками и приверженцами унии в «массовом сознании» простого населения Украины и Белоруссии в первой половине XVII в.* [в:] Михаил Дмитриев, Лев Заборовский, Анатолий Турилов, Борис Флоря, *Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII вв.* М., 1996. ч. 2. с. 151–174). Об униатах знает Меир из Щебжешина. Так, упоминая посланное с целью выкупа к казакам посольство жолковских мещан, он пишет, что оно состояло из православного священника, еврея из Чернигова и «пана новой веры» (Меир из Щебжешина, *Тяготы времен...* с. 169).

[56] Так, Натан Ганновер, основываясь на каком-то слухе, рассказывает о втором погроме в Остроге, устроенном поляками и казаками. По его сообщению, «узнав об этом, немцы-воины отомстили панам и селянам и перебили множество их» (Натан Ганновер, *Пучина бездонная...*, с. 174–175).

[57] Натан Ганновер, *Пучина бездонная...*, с. 95, 97, 117, 109; Меир из Щебжешина, *Тяготы времен...*, с. 159, 159, 162, 173 174. Ганновер описывает разорение Заслава и княжеской усыпальницы: «А у ксендзов, которые были в святой общине Заслав, сдирали заживо с тела кожу; князей, некогда погребенных в Заславе, извлекли из могил, как разлагавшуюся падаль, а золото и серебро, которое было в их усыпальницах, разграбили. Костелы и синагоги были разорены и обращены в конюшни» (Натан Ганновер, *Пучина бездонная...*, с. 109). Львовский земский писарь Б. Ожга на конвокационном сейме 1648 г. сообщал: «Я тому удивляюсь, что их милости (т.е. православные депутаты сейма) так свои обиды преувеличивают и удовлетворения требуют, а мы молчим, что с наших ксендзов кожу сдирали, костёлы опустошили и таинства оскверняли» («*Muszę się dziwować MPP, że ich Mć anto fervore egzagerują krzywdy swoje i kontentowania potrzebują, a my milczemy, co księża nasze w pasy darto, ścinano, kościoły łupiono, omnia sacra sprofanowano*») (Antoni Mironowicz, *Prawosławie a Unia za panowania Jana Kazimierza*. Białystok, 1997. s. 47). Некий Дамиан на том же сейме рассказывал: «...капланов убивают, костёлы грабят, тела умерших из гробов достают, рассекают и разбрасывают, святое таинство по земле размазывают, а потом из сосудов и чаш церковных горилку пьют» («*...kapłany ścinają, kościoły łupią, umarłych z grobu dobywają, a potem rozsiekanych rozrzucają najświętszy sacrament po ziemi w kościołach rozściskają, a potem z kielichow kościelnych i puszek gorzałki piją*») (Документи Б. Хмельницького. 1648–1657, упор. Иван Крип'якевич, Иван Бутич и др. Київ, 1961, с.79–80). В 1653 г. польские послы в Москве сообщали: «И теж черкасы олтари в костелах и церквах божих бесчестили, пресвятую евхаристию топтали, келихи, кресты и иншие строение церковное насилством брали, грабили,

и шляхту, не памятуя греческого закону своего, чернцов и попов побили и мучили. Напоследок, что помыслити страшно, они ж черкасы усопших людей из гробов добивали, над ними глумилися, здирали иконы пресвятые богородицы девы и из скарбов грабили и обирали» (Лев Заборовский, *Православные, католики, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-80 гг. XVII в. Документы. Исследования*, М., 1998. Ч. 1. Источники времен гетманства Б.М. Хмельницкого. с. 146, 307–308). В «Слове во время бездождья»: «...взявши моц не толко жидов и панов своих забивали, але и городов гвалтом добуваючи и всюды огнем полячи людей в неважности забиваючи и в неволю выдаючи, церкве, олтаре Божии пустошачи, сокрамента въневеч под ноги попсоваючи, тела святых угодников Божиих обдираючи, людей умерлых з гробов выкидаючи...» (*Южнорусские летописи, открытые и изданные Белозерским*. Киев, 1856. Т. 1. с. 155–156). О зверствах казаков в отношении католиков писали многие польские хронисты, современники событий (В.В. Коялович, Я. Юзефович и др.).

[58] См.: Натан Ганновер, *Пучина бездонная...*, с. 126; Меир из Щербжешина, *Тяготы времен...*, с. 174.

[59] В Комарно евреи и жители города заключили союз и отбили нападение казаков (Меир из Щербжешина, *Тяготы времен...*, с. 173–174). «Благочестивые жители Щербжешина» (т. е. христиане) похоронили погибших евреев за свой счет (с. 175).

[60] По словам Натана Ганновера, православные жители, друзья евреев, предупредили своих соседей о грозящей их опасности: «И стало это известно евреям от православных их соседей, либо друзей» (Натан Ганновер, *Пучина бездонная...*, с. 97). Православные жители Тульчина сжалились над оставшимися после резни в живых евреями и отпустили их (с. 103). Бежавшие из Заслава евреи ночевали в домах православных (с. 108). Это свидетельство особенно ценно, так как описание бегства евреев из Заслава является практически единственным событием, свидетелем которого был Натан. Меир также писал о том, как «неевреи, знавшие своих соседей – евреев, сжалились над ними и возвратили их домой в Переяслав» (Меир из Щербжешина, *Тяготы времен...*, с. 165). О помощи православных сообщают и другие источники, в частности, раввинские респонсы. Некая Буня или Бунька из респонса Менахема Менделя Крохмаля, в местечке Бурза (?) вместе с мужем нашла убежище у одной знакомой нееврейской семьи (Fram, *Bejn 1096 le 1648/49...*, р. 172). Яхна из респонса Натана Каханы пряталась со своим мужем в течение трех недель у крестьянина в Зборове (Ibidem, р. 174). О том, что после казацких и татарских набегов евреи оставили свои разрушенные жилища и жили в христианских домах, сообщают люстрации 50-х годов (например, в Клевани и Андреево) (Михаил Владимирский-Буданов, *Передвижение южнорусского населения в эпоху Б. Хмельницкого*, Киев, 1888, с. 14–15). Впрочем, остается неясным, жили ли они вместе с христианами, или же просто арендовали дома у своих соседей.

Editorial remarks

Впервые опубликовано: *Studia Judaica*. 2012. №1-2 (29-30). С. 77-96).